

смысла жизни, имеет значительное отрицательное влияние на качество социализации личности и часто ведет к развитию неврозов.

Постоянным спутником и формой проявления экзистенциального вакуума является скука. В наше время она часто ставит гораздо больше проблем, чем даже нужда. Это объясняется тем, что нужда толкает человека к действию, активности по ее преодолению, скука же часто приводит к бегству от реальности; пьянству, наркомании, а порой и к суициду; или к антисоциальному, отклоняющемуся поведению.

Но не только высшие ценности воздействуют на социализацию личности. Немаловажное значение в этом процессе играют и ценности – средства, которые выступают как промежуточные ценности. Они подчинены высшим ценностям и обусловлены ими. Например, если человек стремится к утверждению справедливости, он никогда не будет использовать для этого не справедливое средство. Иными словами бесценность средств не достижимы никакие ценности цели, но вместе с тем никакие самые благородные цели не оправдывают дурных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выжлецов, Г.П. Аксиология: становление и основные этапы развития /Г.П. Выжлецов // Социально – политический журнал. – 1995. – №6. – С. 61 – 73.
2. Калмыков, В.Н. Основы философии: Учеб. Пособие / В.Н. Калмыков. – Мн.: Выш. шк., 2000. – 416 с.
3. Леонтьев, Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д.А. Леонтьев // Вопр. философ. – 1996. - № 5. – С. 25 – 26.

УДК 111.83

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ И ПОИСК НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

О.А. Романов

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматривается эволюция представлений об истине в социогуманитарном знании. Показана зависимость способов и результатов осмысления проблемы истины от культурно-цивилизационной идентичности мыслителей. Выявлены различия западноевропейского и славяно-русского путей решения данной проблемы. Показана перспективность славяно-русской гносеологии в контексте поисков новой модели цивилизационного развития человечества.

The article discusses the evolution of ideas about truth in the socio-humanitarian knowledge. The dependence of the methods and results of comprehension of the problem of truth from the cultural and civilizing identity thinkers are shown. The prospects of Slavic-

Russian epistemology in the context of searching for a new model of mankind's civilization are analyzed.

Теснейшая связь и изначальная обусловленность социального познания многообразной системы ценностей и смыслов значительно усложняет постижение истины в этой сфере познавательной деятельности. В ней значительно сложнее, если вообще возможно, добиться такой полноты объективности, как в исследовании природы. Для этого ученым пришлось бы отрешиться от аксиологических оснований, присущих породившей их культуре. Тем самым вполне правомерной представляется идея, предложенная российским философом В.В. Ильиным, согласно которой необходимо различать «истину cogito» и «истину existenz». «Истина cogito соотносится с нечеловекообразным бытием самим по себе, поэтому несет независимое от субъекта объективное содержание. Истина existenz соотносится с человекообразным бытием для нас, поэтому несет субъективно значимое содержание. Истина второго рода передает причастность к жизненной полноте» [1]. Однако понимание глубокой специфичности процесса обретения истины в социально-гуманитарном познании не сразу утвердилось в гносеологии, прошло длинный путь к своему признанию в качестве предпосылки мышления об обществе и человеке. Рассмотрим некоторые этапы этого пути.

В новоевропейской культуре, которая, начиная с XVII века и вплоть до XX столетия, задавала тон в формировании мировой научной мысли, сложилось устойчивое представление об истине как о продукте холодного беспристрастного познания. Оно по возможности полно должно быть освобождено от субъективных пристрастий исследователя, его психологических особенностей и личностной специфики. Познающий субъект мыслится как устройство для регистрации фактов внешнего мира, находящееся вне культуры, времени, социального контекста и иных обстоятельств. Сама истина рассматривалась как знание, совершенно точно и адекватно воспроизводящее природную и социальную действительность.

Такое понимание процесса и результата познавательной деятельности нашло отражение в доктринах позитивизма, сциентизма, технократизма. Их появление и широкое распространение было обусловлено всем складом западноевропейской цивилизации и сформированных в ней представлений о мире. Такие выдающиеся европейские ученые и философы, как И. Ньютон, Р. Декарт, Б. Спиноза и др. выдвинули в качестве эталона научности математические и естественнонаучные дисциплины с их ориентацией на логическую непротиворечивость, рационализацию процедуры исследования,

эмпирический опыт. Для нас важно отметить, что данный идеал познания вышел за пределы математико-дедуктивного естествознания и стал мировоззренческой основой постижения истины в социологических, экономических, политологических отраслях науки.

Но быстро обнаружилось, что добиться объективности и беспристрастности в исследовании общества и культуры гораздо сложнее, чем в науках о природе. Они упорно не желают поддаваться формализации, обезличиванию, математическому исчислению. Но самое главное: идеал полной беспристрастности приводит человека к отрыву от своей культуры, ее ценностей, норм, моральных и религиозных принципов. Более того, сциентистская ориентация в познании низводит до уровня пережитков прошлого и досадных помех такие формы коллективного опыта, как традиции, религиозную веру, образность мифологического и художественно-эстетического мышления. Надо признать, что наиболее пронизательные мыслители прошлого видели эти опасности. Так, например, К. Маркс признавал огромный потенциал художественной литературы в познании общества, когда писал, что романы О. Бальзака могут больше рассказать об эпохе становления капитализма в Европе, чем иные политэкономические трактаты. Но «мейнстримом» европейской гносеологии все же осталось игнорирование вненаучных видов познания по причине их «искажающего» воздействия на разум.

Следует подчеркнуть, что в XX в. такой подход к обществу и человеку не только представлял собой достояние узкого круга ученых, но и коррелировал с общественным сознанием и психологией населения западных стран. Растущая вера в силу науки и техники исходила из убеждения европейцев, что рассудок способен сделать людей могущественными в масштабах планеты и одновременно счастливыми. Они верили в безграничные возможности экономического развития, технического прогресса, рационального управления социокультурной практикой. В короткие по историческим меркам сроки на Западе распространилось индифферентное отношение к собственным традициям, безразличие к нравственным основам существования, конформизм, утилитарный подход к окружающему миру, включая природу. Постепенно западный человек приучился иметь дело с техническим миром, к которому следует подходить преимущественно с позиций пользы. Когда такой человек сталкивался с непривычными явлениями мира живого и они не укладывались в стандартные параметры его мышления, он пытался или проигнорировать их, или истребить.

Какие же результаты получили сторонники сциентистского направления в науке и философии? Во-первых, они раздробили культуру, общество, человека на множество фрагментов и осколков, иссушили живую ткань культуры, грубо упростили полноту человеческого существования. Дело в том, что упрощенно-теоретический анализ не был рассчитан на получение целостного знания об обществе, культуре и человеке в их неразрывном единстве и взаимозависимости. Такой тип анализа не давал возможности адекватного понимания конкретных явлений, если они были трудно наблюдаемыми, немассовыми или неожиданными, например, таких, как верования, альтруистические убеждения человека, его реакции в нестандартных ситуациях. Во-вторых, они резко ослабили прогностический потенциал социогуманитарных исследований. Так, оправдывая в течение длительного времени узкий прагматизм в подходах к экономике и к живой природе, технократически настроенные исследователи предпочитали не поднимать вопрос об исчерпаемости природных ресурсов до тех пор, пока проблема экологического бедствия не встала перед миром со всей остротой. Если говорить о сфере общественного сознания, то сторонники точных методов стремились обнаружить здесь универсальные качества человеческого мышления, независимые от культуры и конкретного этапа ее исторического развития. Но на поверку оказывалось, что раскрывали они не всеобщие свойства человеческой духовности, а стереотипы массового сознания западного общества.

Во второй половине XX столетия в западном обществоведении явно обнаружился кризис объективистской парадигмы социального познания. «Когнитологическими» исследователями была доказана аксиологическая нагруженность любого атомарного высказывания о культуре, обществе или человеке. Специалисты по проблемам познания установили, что осмысленность и истинность суждений независимы от эмпирической проверенности, что рациональность не сводится к логико-понятийной форме, которая выступает лишь одной из ее исторических разновидностей», – пишет российский исследователь Г.А. Аванесова [2]. Но то, что было по-настоящему осознано Западом лишь несколько десятилетий назад, в восточнославянской культуре являлось аксиомой со времени появления в ней теоретической мысли.

Решая проблему истины, русские философы настойчиво подчеркивали, что истина имеет бытийственный характер, она обладает собственным бытием. Само же это бытие является данным субъекту как объект, т.е. как объективная реальность, хотя и

сопряженная с субъектом, но находящаяся вне его. В.С. Соловьев отмечал: «Истина заключается прежде всего в том, что она *есть*, т. е. что она не может быть сведена ни к факту нашего ощущения, ни к акту нашего мышления, что она есть независимо от того, ощущаем ли мы ее, мыслим ли мы ее или нет... Безусловная истина определяется прежде всего не как отношение или бытие, а как то, что *есть* в отношении, или как сущее» [3]. Бытийственный или онтологический, аспект истины подчеркивался и П.А. Флоренским в его фундаментальном труде «Столп и утверждение истины». «Наше русское слово «истина», — пишет он, — сближается с глаголом «*есть*» («истина» — «естина»)». «Истина», согласно русскому о ней разумению, закрепила в себе понятие абсолютной реальности: Истина — «сущее», подлинно-существующее... В отличие от мнимого, не действительного... Русский язык отмечает в слове «истина» онтологический момент этой идеи. Поэтому «истина» обозначает абсолютное само-тождество и, следовательно, само-равенство, точность, подлинность. «Истый», «истинный», «истовый» — это выводок слов из одного этимологического гнезда» [4]. Истина — это «пребывающее существование»; это — «живущее», «живое существо», «дышащее», т. е. владеющее существенным условием жизни и существования. Истина, как существо живое по преимуществу, — понятие о ней у русского народа... Именно такое понимание истины и образует своеобразную и самобытную характеристику русской философии» [4].

Еще один важнейший аспект социальной истины выражен восточнославянскими народами в понятии «правда». Суть этого понятия состоит в нравственно-этической, эстетической, праксеологической ее наполненности, в тесной связи со смыслом жизни, с ее ценностью для деятельности человека. В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» замечает: «правда — это истина на деле, истина во благе, честность, неподкупность, справедливость; поступать по правде — значит поступать по истине, по справедливости;... полное согласие слова и дела». Очень интересное понимание категории правды предложил русский ученый и философ Н.К. Михайловский: «Кажется, только по-русски, — говорил он, — правда-истина и правда-справедливость называется одним и тем же словом и как бы сливается в одно великое целое». Поиск правды, как органичного единства истины, справедливости, морального и естественного права должен не только обустроить жизнь отдельного человека, но и дать основу для преобразования мира в целом, образуя круг лично-космической гармонии. В этом кругу, связывающем

«родное и вселенское», сосредоточены нравственные искания, предпринимаемые русской мыслью.

В принципе, можно говорить о двух стратегиях (парадигмах) познания, выявившихся в западноевропейской и славяно-русской культурно-философских традициях. Сегодня пришло время расстаться с иллюзорными упованиями на безусловный приоритет рационального сознания перед всеми иными формами дорационального и внерационального восприятия реальности, отказаться от рационалистической «гордыни» и связанной с ней внеисторичности и европоцентризма в подходе ко всем другим культурам, где рациональность не выступила доминирующей формой отношения к миру. Теперь, в начале 3-го тысячелетия, перед человечеством со всей остротой встала грандиозная по своим масштабам задача – сформировать целостное мировоззрение, в фундаменте которого будет лежать как рационально-научное, так и внерациональное (включая и образное) восприятие действительности; выработать цельное знание, где «мир», «космос», «человек» воспринимались бы как органическая живая целостность. Поэтому гуманистическая рациональность только в том случае будет соответствовать современным потребностям, если она сможет вобрать в себя и другие, внерациональные формы освоения мира, признать их разнообразие и равноправие, перейти от рациональной к рационально-образной картине мира. В наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, быть надежной основой для поведения. Как у всех гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятие реальности находятся в известном равновесии, так и в человеческом познании в целом оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга.

Все дело в том, что иррациональное отнюдь не выступает плодом воображения критиков рационализма и не является изобретением пессимистически настроенных философов и ученых, а существует изначально в бытии и познании. Оно самостоятельно и самодостаточно. «Непонимание и недооценка роли иррационального в бытии, в самом человеке и в обществе сыграли роковую роль; ибо многое, случившееся в истории человечества, можно было бы если не предотвратить, то, по крайней мере, смягчить. Ведь представление о действительности, исключаящее иррациональное, само по себе, есть представление усеченное, фрагментарное, следовательно, не истинное» [5].

«Рациональность любой ценой» есть «опасная сила, подрывающая жизнь», – так сказал французский философ Анри де Любак [цит. по 5]. Позитивный иррационализм не противоборствует разуму, а ищет в нем союзника. Перекос же в сторону рационального сознания не дал людям ни счастья, ни покоя.

Подведем итоги. Современное понимание социальной истины во многом коррелирует с рассмотренными идеями русских мыслителей. Выделим некоторые из них:

– истина в социогуманитарном познании несет в себе объективное содержание, т.е. раскрывает существенные свойства общественных предметов и процессов;

– позиция субъекта познания, задающая ракурс рассмотрения событий, фактов и ситуаций, обуславливается историческими социокультурными целостностями, в которые он погружен. Такими целостностями могут быть этносы, локальные культуры, институции, социальные группы, кровно-родственные общности людей и т.д.;

– в социогуманитарном познании истина имеет не только фактуальный, но и ценностный аспект. При этом последний может быть как явным, так и неявным, как рационально обоснованным, так и лично экзистенциальным;

– точка зрения каждого субъекта познания принципиально ограничена, в лучшем случае она может заключать лишь часть истины, полная истина всегда многомерна;

– плюралистичность социально-гуманитарных истин не исключает того, что они могут образовывать иерархические системы, т.е. одни теоретические позиции могут быть ближе к адекватному постижению действительности, нежели другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, В.В. Теоретическое и эмпирическое в социологии: смена парадигмы? / В.В. Ильин // Социс. – 1996. – № 10. – С. 20.
2. Аванесова, Г.А. Новые познавательные ориентиры в современном социогуманитарном познании / Г.А. Аванесова // СГЗ. – 2006. – № 1. – С. 103.
3. Соловьев, В.С. Соч.: в 2 т. / В.С. Соловьев. – М., 1990. – Т. 1. – С. 691.
4. Флоренский, П.А. Соч.: в 2 т. / П.А. Флоренский. – М., 1991. – Т. 1. – С. 15–16.
5. Мудрагей, Н.С. Рациональное – иррациональное: взаимодействие и противостояние / Н.С. Мудрагей // Рациональность на перепутье: в 2-х кн. – М., 1999. – Кн. 1. – С. 101.